

УДК 809.1

*О.Г. Жиганова**

**СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА В РОМАНАХ
М.А. ОСОРГИНА «СИВЦЕВ ВРАЖЕК» И М.А. БУЛГАКОВА
«БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ**

В статье рассматриваются пространственно-временные особенности двух романов: «Сивцев Вражек» М.А. Осоргина и «Белая гвардия» М.А. Булгакова. Основанные на одних исторических событиях, Октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войне, оба романа оказываются схожими и по своему внутреннему строению. Автор статьи уделяет основное внимание их хронологической общности на двух уровнях: на пространственно-временных параметрах мира, изображенного в произведении, и на организации повествователя.

Ключевые слова: хронология, сюжет, автор-повествователь, летописная манера повествования, летописное сознание.

Важность изучения хронологической организации произведений искусства и литературы осознана исследователями давно. П.А. Флоренский, например, доминанту всего художественного мировосприятия видит в «возлагании» всей «тяжести воспоминания действительности» на пространство. По его мнению, подобный способ отражения мира в пределе представляет собой «почти полное отождествление действительности с пространством, где вещи вполне пластичные подчинялись бы пространству до утраты собственной формы» [1, с. 18]. М.М. Бахтин приписывает литературному хронологу «существенное жанровое значение» [2, с. 235], функцию различения жанров и жанровых разновидностей, отмечает его влияние на образ человека в литературе. Именно поэтому автор статьи, взяв в качестве девиза слова Бахтина

* © Жиганова О.Г., 2010

Жиганова Ольга Геннадьевна (zhiganovaolga@rambler.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

«Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [2, с. 406], сосредоточила свое внимание на особенностях пространства – времени в вышеозначенных романах. Их рассмотрение помогло обнаружить множество сходных моментов в структуре обоих произведений. Особенно сильно это сходство на двух уровнях.

Во-первых, на уровне сюжета. Основным хронотопом в обоих романах оказывается **хронотоп исторического катаклизма**: их действие происходит на фоне важнейших исторических событий начала XX века – Октябрьской революции и Гражданской войны. Разница лишь в том, что в «Белой гвардии» действие длится около года (1918–1919 гг.), и читатель сразу попадает в атмосферу «второй революции» (прошлому и его атмосфере посвящено всего два абзаца при описании дома №13). Основные же события романа М.А. Осоргина развиваются примерно в течение шести лет (четыре года в первой части романа, примерно два года – во второй). И в первых пяти его главах мир предстает перед читателем в своем естественном гармоничном состоянии: он пространственно многослоен, однако космичен, четко вписан в законченную, стройную организацию Вселенной. Подобное его состояние дано не как прошлое, а как настоящее. То есть в первом романе внимание автора и читателя сосредоточено на существовании мира в новом неблагоприятном состоянии, во втором – на переходе его от стабильности и благополучия к хаосу. Однако в обоих случаях вышеперечисленные события сводят мир с ума, переворачивают с ног на голову, о чем свидетельствуют схожие параметры времени и пространства в романах. Продолжают существовать привычные, традиционные представления о временном ряде, но одна из категорий его – будущее – размывается, а затем и вовсе исключается из сознания людей. Танюше кажется, что время приобретает обратную направленность, начинает течь в противоположную сторону: «...смерть и смерти предшествуют жизни. В начале дороги – кресты, раньше гимна радости – похоронное пенье. И что дальше?» [3, с. 101]; Турбины понимают, как сложно выполнить завет матери «дружно живите», потому что непонятно, как вообще можно жить в сложившихся условиях, когда «...думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее» [4, с. 5]. Что касается пространственной составляющей хронотопов романов, то нестабильность мира, его противоестественное состояние приводят к сокращению личного пространства людей. Постепенно пространство начинает сужаться, делается тесным, концентрирует в себе слишком много предметов и людей и, пытаясь вместить и совместить их, становится неестественным и пугающим. В камере Особого отдела, где заключен Астафьев, рассчитанной на одного человека, помещается шесть; делит комнаты своего особняка с рабочими семья орнитолога. Город в «Белой гвардии» с трудом вмещает в свои пределы многочисленных новых пришельцев, «за каменными стенами все квартиры были переполнены» [4, с. 36]. Пространство и наполняющие его вещи берут человека в свой плен. Он привыкает жить в своем маленьком, ограниченном пространстве, поэтому остальной мир кажется ему огромным, неудобным и пугающим. Вся протяженность пространства становится ненужной, невостребованной людьми. Любые передвижения в про-

странстве мира, превратившегося в хаос, несут смерть. В дни Гражданской войны оказывается невозможно без риска для жизни просто пройти несколько метров по улице. Это мы видим и на примере Васи Болтановского из «Сивцева Вражка», который чуть было не попадает в перестрелку, и на примере Николки и Алексея Турбиных, чудом избежавших смерти на улицах города. Таким образом налицо противопоставление двух пространств: микропространства частной жизни человека и макропространства окружающего его мира, мира государства с новым общественно-политическим устройством. Они фактически несовместимы друг с другом. Экспансивное макропространство превращает микропространство в статичное, неоткрытое. Кроме того, все пространство заполняется не самостоятельными объектами, а пустыми символами, оставшимися от жизни прошлой и не имеющими уже никакого значения, приобретает черты мнимого: пространственные объекты, которые не разрушаются, теряют свое внутреннее наполнение, опустошаются. Большая часть магазинов, столовых, различных контор и других жилых зданий оказываются заброшенными, вывески с них исчезают или перестают что-либо значить: исчезает и сама мадам Анжу, и ее магазин в «Белой гвардии», множество учреждений прошлого в «Сивцевом Вражке».

Внутренне, содержательно не опустошаются лишь редкие пространственные сооружения. Среди них дом Турбинных № 13 и особнячок профессора орнитолога. Этим объясняется значимость **хронотопа дома** для обоих романов, а также тесно связанного с ним **пространственного образа окна**. Ведь «дом — хранение смысла, так как именно в его пространстве возникают те связи, которые определяют исходные для человека смыслы. Отсюда начинается путь жизни человека, и здесь закладываются основания распознавания всех других смыслов. Поэтому дом, возникающий как пространственное сооружение, перестает быть чисто архитектурным образованием, превращаясь в способ организации начального социального опыта человека» [5, с. 54]. Как и в особнячке на Сивцевом Вражке, так и в доме № 13 по Алексеевскому спуску на протяжении многих лет живут люди, являющиеся носителями вечных общечеловеческих и культурных ценностей. Поэтому даже в сложное время социальных потрясений в их жилищах сохраняются тепло и уют, создается атмосфера душевного тепла и истинной близости: жильцы и их гости оказываются по-настоящему родными людьми. Их дома как пространственные сооружения хоть и являются маленькими точками в пространстве Вселенной, все же сосредотачивают в себе все самые главные общечеловеческие ценности. И пусть через какое-то время они перестанут существовать материально, но именно духовно станут основой того будущего, представителями которого станут лучшие люди из других поколений. Ведь время не властно над истинными ценностями, как и над прекрасными и бессмертными творениями человеческого духа.

Тесно связан с вышеописанным хронотопом и образ окна. В некоторых случаях его функции в «Белой гвардии» совпадают с описанными нами для «Сивцева Вражка»: светящееся окно оказывается признаком жизни (ярко, «сильно и весело» горят турбинские окна, город шумит и живет, когда светятся окна в его домах), темное — омертвения (здание гимназии с темными окнами кажется Турбину мертвым, закрыты окна тяжелыми черными шторами

ми в морге, в темноте лежит умирающий Алексей Турбин). Главное же отличие в том, что очень часто окна Турбиных задернуты кремовыми шторами. В этом моменте особенно сильно проявляется связь отдельных образов окна и света, значения которых в сумме четко отражают идею Булгаковского романа. Свет — знак энергии, жизни (напр., «*Вся энергия города, накопленная за лето, выливалась в свете*» [4, с. 36]), окно — выход из личного пространства во внешний мир. Объединяясь, они показывают нам, что в отличие, например, от Танюши из «*Сивцева Вражка*», которая не закрывает окно никогда и смело смотрит в будущее, принимая его любым, Турбины готовы спокойно принять его не во всякой форме. Свет из их окон яркий, но они пытаются удержать его в рамках своей квартиры, своего личного, внутреннего пространства: они полны жизни, веселья, любви, которые, однако, на внешний мир в его наличном состоянии не распространяются. Орнитолог, Танюша, Вася и другие принимают эту эпоху, расценивая ее как переходную, временную, поэтому плотно не отгораживаются от нее, в целом более лояльны по отношению ко всему творящемуся; Турбины и их друзья деятельно не принимают ее, рискуя жизнью, борются против того, что считают несправедливым и бесчестным. Однако эта борьба хоть и показывает вовлеченность героев в события, подчеркивает и их противопоставление себя окружающему миру, нежелание принимать его, а значит — попытку провести четкую границу между ними.

Большое значение в сюжетах обоих романов имеет и хронотоп сна. Во-первых, через него реализует себя в них категория будущего. Все герои, будучи представителями рода человеческого, знают свое лишь своё прошлое и, проживая, воспринимают настоящее. О будущем же могут только мечтать или, основываясь на данных рационального опыта, пытаться его просчитать, как, например, поступают Эрберг и Василиса. Однако в романе дан способ преодоления времени, освобождения от привязанности к временному пласту настоящего. Для этого в повествование вводится описываемый нами здесь хронотоп. Попадая в его систему координат, некоторые из героев, сами того не осознавая и не в прямой форме, узнают о будущих событиях. Перед взрывом рокового для него снаряды Стольников снится Танюше и, протягивая к ней неестественную по форме руку, говорит о бессрочном отпуске. Андрей Колчагин фактически видит во сне свою смерть, которая случится в Гражданскую войну, в то время еще даже не начавшуюся. Эдуард Львович именно во сне постигает высший смысл эпохи, в которую ему приходится жить. С помощью снов Николки, Елены и Василисы, данных в финале «*Белой гвардии*», понимает читатель неблагоприятный характер их ближайшего будущего. Во всех описанных нами случаях смысл снов раскрывается позже и только в сознании читателя. Сами герои на протяжении повествования не соотносят реальные события своей жизни с увиденными во сне моментами. Для них сон хоть и является своеобразным средством преодоления времени, а иногда и помощником в восприятии, осмыслении действительности и постижении ее смысла, но не осознается ими как оный. Будущее как категория исчезает из их сознания, поэтому они не думают о нем, а из-за погруженности в свои заботы не соотносят прошлые намеки с произошедшими событиями. Внимание уделяется только настоящему.

Однако есть в обоих романах и сны другого рода. Это, в первую очередь, сны Турбина о Боге и Стольниково о последнем бунте калек и уродов. Если говорить словами М.М. Бахтина, то «сон здесь вводится именно как возможность совсем другой жизни, организованной по другим законам, чем обычная... Жизнь, увиденная во сне, остранивает обычную жизнь, заставляет понять и оценить ее по-новому...» [6, с. 171]. Таким образом они показывают несовершенство человеческого мира, в котором люди, не понимая своего равноправия и не осознавая, что равны перед Богом, стали как будто «слепыми и безумными» и придумали «боевые марши и гимны, барабанный бой и грохочущее орудие» [3, с. 74]; помогают увидеть все описанные события с другой, объемлющей частное, точки зрения, тем самым глубже раскрывая их смысл.

Отметим еще одно типологическое сходство рассматриваемых нами романов. Интересным моментом в данном случае оказывается летописная манера авторского повествования в романах. В романе «Сивцев Вражек» она характерна лишь для некоторых моментов (см., напр., гл. «Москва девятьсот девятнадцатого»: «Лета тысяча девятьсот девятнадцатого город Москва был завоеван крысами» [3, с. 173]), в «Белой гвардии» появляется с самого начала романа: «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй...» [4, с. 3]. Хромотопическая позиция автора в данном случае схожа с позицией летописца, хотя, конечно, есть и отличия. Как известно, «летописная запись стоит на переходе настоящего в прошлое. Летописец живо реагирует на события современности, но последующий компилятор, механически соединяя известия разных летописей, придает им бесстрастный характер» [7, с. 262]. В нашем случае мы, с одной стороны, также наблюдаем оценочную характеристику описываемых событий, реакцию на них и, с другой стороны, определенную объективность, эпичность изложения. Именно она вносит в повествование некую размеренность, даже отстраненность. По нашему мнению, в обоих случаях историческая жизнь видится с определенной высоты, стирающей различия между большим и малым. Как и типичный автор летописи, повествователь в романах, смотря на события как бы с другой точки зрения, видит их смысл и в конце повествования делает свои выводы из всего описанного. Подобная манера повествования в какой-то степени помогает вписать эти страшные, смертоносные годы во всеобщую летопись жизни народа. Категория конкретного времени используется не только для того, чтобы сосредоточить внимание читателя на конкретном годе и привязать повествование именно к нему, а с целью сделать его более объемным и многогранным, показать временную линию романа как часть общей исторической временной линии. Намечается путь от частного к общему, от индивидуального к вселенскому.

Кроме того, в некоторых случаях при отсутствии ярко выраженной летописной манеры письма у повествователя проявляется летописное сознание. Это особенно характерно для романа «Сивцев Вражек». В главе «Двое» рассмотрены три мира: индивидуальный, личный, в центре которого судьба одного конкретного человека; общечеловеческий, в котором главной оказывается всеобщая история одной страны как частное проявление мировой истории, и мир вечности, охватывающий собой все мироздание, с точки зрения которого два предыдущих мира равны между собой в своей частности

и суетности. Проявление летописного мышления повествователя заключаются в данном случае в том, что, описывая, например, Гражданскую войну и смерть на поле боя Колчагина и молодого юнкера Алеши, он находит оправдания обеим сторонам конфликта, осознавая всю сложность мироустройства и влияющих на него законов. В других случаях точно известные и занимающие значительное место в человеческой истории даты некоторых событий сознательно опускаются автором. В «Сивцевом Вражке» так происходит, например, с Первой мировой войной, дата начала которой опускается, в «Белой гвардии» — со смертью Петлюры. Объяснить же использование вышеописанных приемов довольно просто: в сознании автора «вечность, а не время является определяющей категорией сознания» [8, с. 302]. Весь человеческий мир и события, происходящие в нем, объемлются вечной гармонией природы, космоса. Перед ней все равны, любой конкретный герой — просто еще один человек, самый обычный смертный. Танюша — просто шестнадцатилетняя девушка; Эрберг так же, как и Петлюра, просто умирающий на поле боя человек, а затем лишь тело без имени. Все они лишь единицы из миллионов живущих на свете людей, жизни которых объемлются вечностью. Символами ее в обоих романах нередко выступают солнце, луна, звезды. Именно они напоминают людям, что всё преходяще, всё смертно.

Подводя итог, скажем, чем объясняются сходные моменты хронологической структуры обоих романов. П.А. Флоренский писал, что при построении картины действительности «выгодно возложить на пространство все то, что в пределах разбираемой действительности может считаться относительно устойчивым и всеобщим» [1, с. 20]. При определенных условиях, при художественном осмыслении одного и того же «куска» реальности пространство нескольких произведений может оказаться построенным сходным образом, обладать похожими признаками и качествами. Конечно, в большинстве случаев общность темы не приводит к единообразию в ее выражении даже у одного творца, не говоря уже о разных. Как пишет вначале сам Флоренский, «произведение как таковое вполне независимо от конструкции действительности» [1, с. 121]. Далее, однако, он делает оговорку: «Таким образом, в произведении два слова, слово действительности и слово художника, соединяются в нечто целое» [1, с. 121] Возможно, именно таким путем, наделяя пространства разных романов сходными чертами, и проявляет себя это «слово действительности». Ведь фоном для описываемого оказываются одни и те же исторические события, одна действительность. Единый событийный источник влечет за собой сходства в своем воспроизведении, при построении картины художественной действительности отразившись в сходном хронологическом построении разных романов. М. Осоргин и М. Булгаков возложили на художественное пространство все то, что в пределах исторической реальности, воспринятой и переработанной ими, могло восприниматься как относительно устойчивое и всеобщее.

Библиографический список

1. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 324 с.

2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 500 с.
3. Осоргин М. А. Сивцев Вражек // Времена: Романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1992. 608 с.
4. Булгаков М.А. Белая гвардия. Баку: Марииф, 1988. 352 с.
5. Конев В.А. Социальная философия: учеб. пособ. для вузов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 287 с.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
7. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 372 с.
8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.

*O.G. Zhiganova**

**CHRONOTOPE PECULARITIES IN THE NOVELS SUCH AS SIVTSEV
VRAZHEK BY M.A. OSORGIN AND WHITE GUARD BY M.A. BULGAKOV:
THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE STRUCTURE**

The article is devoted to the time-space peculiarities of the novels *Sivtsev Vrazhek* by M.A. Osorgin and *White Guard* by M.A. Bulgakov. They are devoted to the same historic events (the October Socialist Revolution of 1917 and the Civil War that followed it) and it turns out that they are similar in their internal structure. The author of the article gives full attention to their chronotopical similarity at two levels: at time-space parameters of the world depicted in the novel and at the narrator's organization.

Key words: chronotope, plot, narrator, annalistic manner of narration, annalistic consciousness.

* *Zhiganova Olga Gennadievna* (zhiganovaolga@rambler.ru), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russia.